

Попытка издания книги стихов в Ленинграде

Нельзя сказать, что Бродскому было безразлично, будут напечатаны его стихи или нет. Как и у многих подлинных поэтов, в отличие от тщеславных дилетантов, отношение к публикациям у него было двойственное. С одной стороны, он побаивался того окончательного отчуждения текста от автора, которое происходит при публикации. Создание стихотворения – всегда катартический опыт, его хочется продлить. Неопубликованные, стихи словно бы не окончены, а публикация – расставание навсегда. Между приездом в Америку в 1972 году и выходом первых после эмиграции сборников, «Конец прекрасной эпохи» и «Часть речи», прошло пять лет, хотя издатель Карл Проффер с самого начала уговаривал Бродского издать книгу стихов. Между двумя сборниками 1977 года и следующим, «Урания», – перерыв десять лет. С другой стороны, то, что говорил Бродский на суде о том, как он видит свое место в обществе, было не пустыми словами. Он считал необходимым печататься, среди его черновиков уже середины шестидесятых встречаются списки стихотворений – состав будущей книги. Выход книги стихов, общественное признание своей работы он в разговорах той поры называл «торжеством справедливости», и шутлива была только высокопарная форма выражения.

В 1965 году в Нью-Йорке без ведома Бродского была издана его книга «Стихотворения и поэмы» (СИП). Сделана она была по неавторизованным самиздатским копиям большей

частью старых, до 1962 года, стихов, и Бродский ее никогда своей не признавал²⁷¹. Рассеянные в эмигрантской периодике, недоступные читателю на родине публикации и начавшие появляться переводы на иностранные языки отдельных стихотворений тоже «торжеством справедливости» назвать было нельзя. Многочисленные доброжелатели Бродского в ленинградских писательских кругах так же, как и московские знакомые, хотели, чтобы за возвращением из ссылки последовало издание стихов Бродского, и поначалу казалось, что коллективные усилия в этом направлении приносят плоды. Уже в конце 1965-го или в самом начале 1966 года Бродский, по предложению либерально настроенных редакторов, сдал в ленинградское отделение издательства «Советский писатель» рукопись книги стихов. Книгу он предполагал назвать «Зимняя почта» и, в отличие от американского сборника, она была составлена главным образом из стихотворений 1962–1965 годов. Составить книгу помогал ее предполагаемый редактор А. И. Гитович (1909–1966), талантливый поэт поколения тридцатых годов, добрый знакомый и комаровский сосед Ахматовой.

Была соблюдена обычная процедура прохождения рукописи – после обсуждения на редакционном совете книгу послали на отзыв внутренним рецензентам, профессиональным литераторам. Пожалуй, только темпы были несколько заторможены по сравнению с обычными. Рукопись, сданную в начале года, редакционный совет обсудил только 26 июля. Ключевое слово в выступлениях на редакционном совещании – «небольшой». Словно бы улещивая некоего незримо присутствующего духа, редакторы на все лады подчеркивают, что книжка будет небольшая, строк семьсот. Другой мотив: «Бродский – человек одаренный, но...» За «но» следует перечисление неприемлемого в стихах Бродского – библейская тематика («Исаак и Авраам»), упоминание Бога, ангелов, серафимов, литературные реминисценции. Участники совещания объясняют незримо присутствующему начальству, почему все-таки книгу (небольшую!) следует издать: чтобы прекратить «всяческие разговоры», «разрушить легенды, возникшие вокруг его имени». Отзывы рецензентов, поэта В. А. Рождественского и критика В. Н. Альфонсова, датированы октябрём и ноябрём. Оба рецензента решительно поддерживают издание книги. Если этого можно было ожидать от В. Н. Альфонсова, критика по возрасту близкого Бродскому и принадлежащего к тому же кругу молодой ленинградской интеллигенции, то отзыв поэта Всеволода Рождественского (1895–1977), который даже об «Исааке и Аврааме» пишет, что это поэма «интересная в замысле, содержательная и светлая по колориту»²⁷², неожидан. Рождественский, младший эпигон акмеистов, отличался осторожностью и приспособленчеством. Кажется, чем-то питалась его уверенность в том, что поддержка Бродского и даже пресловутой религиозной тематики в его творчестве безопасна. Ответ автору главный редактор Смирнов послал только 12 декабря 1966 года, то есть примерно через год после сдачи рукописи²⁷³. Хотя мнение редакции и обоих рецензентов было положительным и сводилось к тому, что книгу надо, с некоторыми сокращениями, издать, главный редактор, видимо, ориентируясь на городское партийное руководство, вернул рукопись Бродскому. В письме поэту он требовал, по существу, чтобы половину книги составили стихи, в которых были бы «отчетливо выражены гражданские мотивы», «идейно-художественные позиции автора, его отношение к важным и злободневным вопросам современности». В переводе с официозного на откровенный язык это означало, что Бродский должен написать десяток идеологически правильных стихотворений. Если он пойдет на это условие, тогда вторую половину книги, так и быть, могли бы составить «лирические стихи о природе Севера»²⁷⁴.

271 Об истории издания СИП см. Клайн 1998 и Кузьминский 1998.

272 См. *Зимняя почта* 1988.

273 Там же. С. TV.

274 Там же. С. V.

Стихов с предписанными «гражданскими мотивами» Бродский так и не сочинил, но борьба за книгу продолжалась. В издательском архиве сохранился второй раунд внутренних рецензий, датированных июнем – июлем 1967 года. Уважаемые ленинградские писатели Вера Панова, Леонид Рахманов, Вадим Шефнер и поэт Семен Ботвинник поддерживали издание книги. Особенно решительно высказался Шефнер: «Мне думается, что книжка „Зимняя почта“ нуждается не столько в оценке рецензента (какой бы благожелательной эта оценка ни была), сколько в оценке читателя. Ибо, по моему мнению, Бродский уже вошел в тот творческий возраст, когда поэту нужны не обнадеживающие рецензии, не поощрительные похлопыванья по плечу, а вынесение его работы на читательский нелицеприятный суд. Я – за издание этой книги»²⁷⁵. Четырём положительным рецензиям противостояла одна резко отрицательная, написанная средней руки функционером Союза писателей, поэтом Ильей Авраменко. В «стихах И. Бродского нет национальных корней, – писал Авраменко, – [они] вне традиций русской поэзии». О стихотворении «Народ», которое нашел удачным даже главный редактор «Советского писателя», Авраменко писал, что «по существу трудно себе представить: о каком народе идет речь». Рукопись «не заслуживает внимания в целом, ибо в ней большинство таких стихов, где больше сумбура, чем смысла»²⁷⁶. Мнение Авраменко и возобладало. Бродскому морочили голову еще год, после чего он рукопись из издательства забрал. Пару лет спустя, как он мне тогда же рассказывал, его вызвали в ленинградское управление КГБ, где два сотрудника предложили сделку: он будет информировать их об иностранцах, с которыми встречается, а они употребят свое влияние на то, чтобы сборник стихов Бродского был опубликован. После этого Бродский окончательно махнул рукой на идею издания книги на родине²⁷⁷.